

И. П. Зайцева
 Академия Матусовского
 irinazaj91@mail.ru

УДК: 81'242:159.937.5:316.752

«Я ТЩЕТНО ЖДАЛ, ЧТОБ БЫЛ СОЗВУЧЕН С ДУШОЙ ДРОЖАЩЕЙ – ОТЗВУК ТВОЙ!»: ОБРАЗНО-ЦЕННОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА ИЗ ЧУЖОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: родной язык, словесно-художественное творчество, лирический текст, лингвоэкологический аспект, образно-ценностное осмысление, индивидуально-авторская манера, речевая среда.

Статья посвящена одному из аспектов образно-ценностного осмысления феномена родного языка, которое можно наблюдать в коммуникативно-речевых образованиях (текстах), где приоритетной является эстетическая функция – поэтических произведениях К. Д. Бальмонта «Русский язык» и В. В. Набокова «Молитва». По мнению автора, анализ этих произведений позволяет прийти к выводу, что для полноценного «погружения» в родную речь художнику слова необходимо пребывать в среде, где его родной язык не только существует во всём своём многообразии и полноте, но и находится в состоянии непрерывного развития.

Терминологическое понятие «родной язык» в настоящее время отличается очевидной *междисциплинарностью*, и это, среди прочего, видится одной из причин отсутствия единства в его истолковании. Хотя справедливости ради стоит отметить, что однозначностью в определении этот термин не отличался со времени его возникновения. В русском языкознании данный термин был впервые зафиксирован в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, который считается наиболее полным лексикографическим источником такого характера (первое издание словаря выпущено в 1966-ом году). Помещённые в этом словаре термины сопровождаются переводами на английский язык и сопоставлениями из французского, немецкого, испанского языков; понятие «родной язык» в нём определено следующим образом: **«Язык родной** *англ. mother tongue, native language, фр. langue maternelle, нем. Muttersprache, исп. lengua materna.* Язык, усваиваемый человеком в раннем детстве путём подражания окружающим его взрослым» [1, с. 533].

С тех пор понятие родного языка получило истолкование в различных областях науки, причём не только гуманитарной. К настоящему моменту уже существуют исследования, где даётся глубокий и разносторонний анализ термина «родной язык» в его соотнесённости с терминами, которые

используются для обозначения данного феномена в западноевропейском языкознании (см., в частности, работу Т. В. Никитенко: [12]). Особой ясности, однако, эти работы в понимание данного термина в отечественном языкознании не внесли: в них преимущественно содержится развёрнутая характеристика существующего положения. Помимо этого, такие исследования способствуют систематизации имеющихся на сегодня значений рассматриваемого термина (нередко и с элементами иерархичности), что, конечно же, тоже немаловажно.

Понятие «родной язык» логично вписывается в группу ключевых терминов сформировавшегося на рубеже XX–XXI вв. междисциплинарного направления – *лингвоэкологии*, или *эколингвистики*, «предметом изучения которой является состояние языка и языковой (речевой) среды; изучение факторов, влияющих (негативно или позитивно) на развитие языка и речевой культуры; путей и способов защиты языка от негативных влияний, в том числе от не мотивированных социальными и культурными потребностями внешних и внутренних заимствований, вульгаризации речи, лексической и фразеологической эрозии (обеднения) и т. д., а также определение условий, способствующих обогащению языка и его оптимальному развитию» [14, с. 284]. В этом плане весьма странным выглядит тот факт, что при определении стоящих перед лингвоэкологией конкретных задач внимание на понятии «родной язык» акцентируется достаточно редко. Собственно, нам известно лишь одно определение этой междисциплинарной области, где понятию «родной язык» отводится значимое место – это определение, предложенное Л. И. Скворцовым: «**«Лингвистическая экология ... Забота о языке как духовной среде обитания человека; культивирование бережного, любовного отношения говорящих и пишущих к родному языку как важнейшему средству общения, сокровищнице национальной культуры.**

Лингвистическая экология стоит в ряду таких гуманитарных дисциплин и направлений, как экология культуры, экология литературы, экология духовности, экология нравственности и т. п. Экологический подход в вопросах культуры языка **предполагает воспитание любви к родному языку, обострённого чувства ответственности за его прошлое, настоящее и будущее»** (выделено мною. – И. З.) [13, С. 294].

Образное и ценностно-образное осмысление феномена родного языка, которое осуществляется авторами, создающими словесно-художественные и художественно-публицистические произведения, нередко акцентирует внимание адресата на тех свойствах этого явления, которые при подходе сугубо научном либо вообще незаметны, либо проявляются в весьма незначительной степени, о чём нам уже приходилось размышлять в ряде работ (см., например: 7; 8; 9).

Встречающиеся достаточно редко разные по жанру словесно-художественные произведения подобной тематики наделены, с нашей точки зрения, как минимум двойной функцией: будучи фактом эстетического (в большинстве случаев – ценностно-эстетического) осмысления

действительности, призванным воздействовать на эмоциональную и познавательную сферы читателя, они также служат стимулом для разного рода философских размышлений (причём как *научно-философского*, так и *наивно-философского* характера), способствующих более глубокому и всестороннему постижению и феномена родного языка и сопряжённых с этим понятием других категорий лингвокультуры.

В настоящей публикации речь пойдёт об одном, довольно своеобразном, однако представляющим весьма значимым, аспекте заявленной проблемы: *насколько важно для художника слова, осмысливающего в своих произведениях феномен родного языка, находиться в той речевой среде, где этот язык непосредственно функционирует? И имеет ли это значение в принципе, или же состоятельная языковая личность, уже овладевшая языком в достаточно высокой степени, способна творить на нём и в иных условиях – в условиях существования в чужой лингвокультуре?*

Поводом для размышлений подобного характера послужили два безусловно талантливых поэтических произведения, принадлежащих перу знаменитых русских писателей: одного из самых ярких представителей Серебряного века русской поэзии **Константина Дмитриевича Бальмонта** и **Владимира Владимировича Набокова**, входящих в число самых известных писателей русского зарубежья XX-го столетия.

Оба стихотворения, о которых пойдёт речь, датированы 1924-м годом, т. е. созданы столетие тому назад, когда оба автора уже эмигрировали из Советской России: В. В. Набоков находился за рубежом с двадцатилетнего возраста (семья Набоковых навсегда покинула Россию на греческом судне, которое в апреле 1919 года вышло из Крыма); К. Д. Бальмонт уехал во Францию позже, в 1920 году, сразу после переезда в Москву (причиной отъезда называют слабое здоровье жены и дочери), в возрасте более 50 лет, и также никогда уже не возвращался в Россию.

Стихотворение «Русский язык», которое, по мнению многих критиков, принадлежит к лучшим лирическим произведениям поэта, было написано во Франции, однако основой для создания стали впечатления, которые Бальмонт получил во время своего длительного путешествия по Сибири (состоялось в 1916 году, в ходе его поэт добрался до Дальнего Востока, откуда ненадолго выехал, совершив в финале этого своего путешествия небольшую поездку в Японию), подарившему ему (по собственному его признанию) необыкновенно яркие впечатления. Это довольно объёмное лирическое произведение, фрагмент из которого приводится далее:

*Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нём раздолье,
В нём клёкоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан богомолья.*

В нём воркованье голубя весной,

*Взлёт жаворонка к солнцу – выше, выше.
Берёзовая роща. Свет сквозной.
Небесный дождь, просыпанный по крыше.*

*Журчание подземного ключа.
Весенний луч, играющий по дверце.
В нём Та, что приняла не взмах меча,
А семь мечей в провидящее сердце.*

*И снова ровный гул широких вод.
Кукушка. У колодца молодницы.
Зелёный луг. Весёлый хоровод.
Канун на небе. В чёрном – бег зарницы.*

*Костёр бродяг за лесом, на горе,
Про Соловья-разбойника былины.
«Ау!» в лесу. Светляк в ночной поре.
В саду осеннем красный грозд рябины [2].*

Стихотворение Константина Бальмонта – безусловный гимн русскому языку, родному языку поэта, его великолепным качествам, на которые не раз обращали внимание многие выдающиеся представители русского народа, от древнерусских писателей до деятелей культуры и искусств нынешнего, XXI-го, века. Поэт в оригинальной образной форме создаёт картину многогранности **звучания** русского слова, в котором *клёкоты орла и волчий рык, напев и звон богомолья, воркованье голубя весной, журчание подземного ключа* и множество других, родных и милых для русского человека звуков. И, конечно, как и многие его собратья по перу, затрагивающие тему богатства и неповторимости русского языка, особый акцент делает на его теснейшей связи с природой: *Гремучим сновиденьем наяву / Ты мысль и мощь сольёшь в едином хоре, / Венчая полноводную Неву / С Янтарным морем в вечном договоре.*

Великолепие русского языка лирический герой произведения К. Д. Бальмонта обуславливает тесной взаимосвязью не только с природой, но и с традициями, нравами и обычаями Руси патриархальной, по преимуществу представленной крестьянами, которым свойственно выражать себя в народном творчестве, в фольклоре, где русскому слову присущи особенные краски: *Соха и серп с звенящею косой. / Сто зим в зиме. Проворные салазки. / Бежит савраска смирною рысцой. / Летит рысак конём крылатой сказки.*

Для создания образов, конкретизирующих сцены из жизни патриархальной Руси, передающих в том числе и национально-культурное своеобразие быта и бытия русских, поэт использует и весьма характерные языковые средства, в частности лексические: *молодицы, хоровод, грозд, соха, савраска* и т. п.; это, в том числе, и имена собственные, отсылающие к

произведениям русского фольклора и / или к событиям в русской истории (*Соловей-разбойник, Жар-птица, Царь-град, Пётр, Ермак* и др.). Примечательно, что ограниченность в употреблении большинства языковых единиц такого рода отмечается и в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, зафиксировавшем литературные нормы русского языка первой половины XX века (т. е. эпохи создания анализируемого стихотворения):

«**МОЛОДИЦА** ... (обл.). Молодая крестьянская замужняя женщина» [17, стб. 248];

«**ХОРОВОД** У русской крестьянской молодёжи – род массовой игры, обычно состоящий в круговом движении с пением и плясками. *Водить хоровод. С утра до ночи в хороводе песни игрывал.* А. Кольцов. *Как у наших у ворот стоял девок хоровод.* Нар. песня» [19, стб. 1177];

«**ГРОЗД**, а, мн. гроздь, ьев (ед. ч. устар.). То же, что гроздь» [17, стб. 625];

«**СОХА** ... 1. Примитивное земледельческое орудие для распахивания земли. *Трактор и плуг совершенно вытеснили соху с социалистических полей Советского Союза*» [19, стб. 410];

«**САВРАС** ... (разг.). 1. Саврасая лошадь. 2. Употр. вообще в знач. лошади – простой, рабочей.

САВРАСКА ... (разг.). *Ласкат. к саврас. Сесть на савраску да поскакать на луга, где сено косят.* Гончаров» [19, стб. 20].

Не менее выразительным представляется в стихотворении и семантический слой, связанный с православной верой русского народа, центральным образом которого является образ *Той, что приняла не взмах меча, / А семь мечей в провидящее сердце* – Пресвятой Богородицы. Особую экспрессивность этому созданному образу придаёт такая его авторская характеристика как обладание Богородицей *провидящим сердцем* (эпитет, выраженный причастием от глагола *провидеть*: «**ПРОВИДЕТЬ** ... (книжн.). Предвидеть, представлять себе будущее. *Ты другого не знал идеала, не провидел ты цели иной.* Некрасов» [18, стб. 901], безусловно, становится ключевым в формировании этого образа контекстуальными средствами).

Суть ценностно-образного осмысления К. Д. Бальмоном феномена родного языка, как представляется, в значительной степени разъяснена самим поэтом в статье «Русский язык. Воля как основа творчества», которая была опубликована в том же, 1924 году, что и рассматриваемое стихотворение, и в том же месте – в Париже. В этой статье, в частности, сказано: «Все языки, являясь откровением Божества, пожелавшего заглянуть в человеческое, прекрасны, первоисточны, самоценны, единственны, а в здешней, изношенной, бледно-солнечной части Земли, что зовётся **Европой** и давно забыла, как журчат подземные ключи, **самый богатый, и самый могучий, и самый полногласный, конечно же, русский язык**» (выделено мною. – И. З.) [3, с. 348]. В стихотворении «Русский язык» его автору удалось с высочайшим мастерством показать и *богатство*, и

могущество, и полногласность великолепного нашего языка, которые он подчёркивает как наиболее характерные для русского языка качества в процитированном фрагменте статьи «Русский язык. Воля как основа творчества».

Этим же, 1924 годом, датировано лирическое произведение **Владимира Владимировича Набокова**, посвящённое родной речи – стихотворение «Молитва»:

МОЛИТВА

*Пыланье свеч то выявит морщины,
то по белку блестящему скользнёт.
В звездах шумят древесные вершины,
и замирает крестный ход.
Со мною ждёт ночь тёмно-голубая,
и вот, из мрака, церковь огибая,
пасхальный вопль опять растёт.*

*Пылай, свеча, и трепетные пальцы
жемчужинами воска ороси.
О милых мёртвых думают скитальцы,
о дальней молятся Руси.
А я молюсь о нашем дивьем диве,
о русской речи, плавной, как по ниве
движенье ветра... Воскреси!
О, воскреси душистую, родную,
косноязычный сон её гнетёт.
Искажена, искромсана, но чую
её невидимый полёт.
И ждёт со мной ночь тёмно-голубая,
и вот, из мрака, церковь огибая,
пасхальный вопль опять растёт.*

*Тебе, живой, тебе, моей прекрасной,
вся жизнь моя, огонь несметных свеч.
Ты станешь вновь, как воды, полногласной,
и чистой, как на солнце меч,
и величавой, как волненье нивы.
Так молится ремесленник ревнивый
и рыцарь твой, родная речь [11, с. 233–234].*

Выбранная автором жанровая форма **молитвы**, безусловно, в значительной степени предопределяет как композицию лирического произведения, так и используемые для его создания словесные средства. В стихотворении немало книжной лексики, которая в качестве стилистически ограниченной воспринималась и в период создания произведения – так, например, уже упоминаемый толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова

содержит следующую трактовку ряда функционирующих в стихотворении «Молитва» лексических единиц:

глагол **пылай** (свеча) и имя существительное **пыланье** (свеч), являющееся именным отлагольным образованием («**ПЫЛАТЬ** ... (книжн.). 1. Ярко гореть, издавать сильный свет, сильный жар. *Пылай, камин, в моей пустынной келье.* Пушкин. *И уголь, пылающий огнём, во грудь отверстую водвинул.* Пушкин. *Уж близок полдень. Жар пылает.* Пушкин. || перен. О сильном, бурном развитии чего-н. (ритор.)» [18, стб. 1084]);

глагол **ороси** (жемчужинами воска) («**ОРОСИТЬ** ... что. 1. Полить, пропитать влагой (книжн.). *Дождь оросил землю. Оросить грудь слезами. Кровь защитников оросила землю*» [17, стб. 853]);

употреблённый дважды глагол **воскреси** (душистую, родную – о родной речи) («**ВОСКРЕСИТЬ** ... кого-что (книжн.). 1. По различным религиозным верованиям – возратить к жизни умершего, оживить. || перен. Возобновить, восстановить что-н. уже не существующее. *Не воскресят клиенты-иностранцы прошедшего житья подлейшие черты.* Грбдв. 2. перен. Возродить кого-н., восстановить чьи-н. силы. *Южная природа воскресила меня.* || перен. Воспроизвести, вызвать яркое представление о чём-н. *Памятники воскресили перед зрителями жизнь прошлого*» [16, стб. 369]);

имя прилагательное **косноязычный** (сон) («**КОСНОЯЗЫЧНЫЙ** (книжн.). Страдающий косноязычием. || перен. Не умеющий складно говорить (пренебр.)» [16, стб. 1483]);

краткое причастие **искромсана**, характеризующее, с точки зрения лирического героя, состояние родной речи («**ИСКРОМСАННЫЙ** ... (разг.). Прич. страд. прош. вр. от искромсать 16, стб. 1233]; «**КРОМСАТЬ** ... (к искромсать), что (разг.). Резать небрежно, неаккуратными грубыми кусками. *Кромсать хлеб. Кромсать материю.* || перен. Портить, искажать, дробя на части. *Кромсать рукопись. Кромсать пьесу*» [16, стб. 1525]);

имя прилагательное (ты – о родной речи – станешь) **величавой** («**ВЕЛИЧАВЫЙ** ... (книжн.). Величественный, важный, внушающий уважение (о внешнем облике). *Видом величавая жена.* Пшкн. *Прекрасное должно быть величаво.* Пшкн.» [16, стб. 244]).

Довольно объёмную группу составляют слова и выражения, связанные с религиозной православной сферой, что также предопределено выбором жанровой формы стихотворения – молитвы: *крестный ход*; *церковь* (дважды); *пасхальный вопль* (дважды); *молиться* (дважды – в разных личных формах); *воскресить* (дважды в форме повелительного наклонения второго лица единственного числа).

При ценностном осмыслении родной речи все привлечённые автором языковые средства искусно сочетаются, в результате чего создаются оригинальные, с очевидным элементом авторской индивидуальности образы, которые отличаются безусловной экспрессивностью. Не имея возможности в данном случае для осуществления детального анализа этих образных средств, тем не менее обратим внимание на два из них: дважды

употреблённую метафору *пасхальный вопль опять растёт* и своеобразный синкретичный троп, состоящий из эпитета с бесспорно образным определяемым словом и метафоры: *о нашем дивьем диве, о русской речи ...* (примечательно, что этот синкретичный троп является *составной частью* более объёмного, синкретичного же, тропа, в который также входят ещё один эпитет и сравнение).

Помимо своей безусловной оригинальности эти образные средства примечательны тем, что при их создании автор, с нашей точки зрения, искусно вскрывает потенциальные качества русского языка, способствующие более точному воплощению в лирическом произведении его концептуально-эстетической позиции. Так, в метафоре *пасхальный вопль опять растёт* поэт актуализирует довольно необычное значение слова *воплъ*, которое находилось на момент создания стихотворения «Молитва» в достаточно дальнем «запаснике» русского языка. Об этом свидетельствуют данные наиболее авторитетных толковых словарей русского языка, практически все из которых не фиксируют значение лексемы «воплъ», актуализируемое в стихотворении В. Набокова. В некоторых из словарных статей это содержание лишь отмечается среди возможных оттенков основного значения (данные словарей приведены в соответствии с хронологией источников):

«**Вопіять** ... **воплъ** ... громкій голосъ челоуѣка, крикъ, кликъ, взываніе с жалобой, съ мольбой, отчаяньемъ»¹ [6, с. 215];

«**ВОПЛЬ** ... (книжн.). Громкий жалобный крик, плач, стенание. *С воплем бросилась на шею. Раздирающие душу вопли*» [16, с. 362];

«**Вопль** ... Громкий жалобный крик, плач, выражающий тяжёлое горе, сильную боль, негодование или призывающий на помощь. ... ◇Очень громкий крик. *Пронзительный вопль. Раздирающий душу вопль. ... – Готово, готово! – послышался из-за всех радостный вопль маленькой Наташи.* Л. Толст. Война и мир, Эпilog, ч. I, гл. 13» [16, стб. 662–663].

Возможность с помощью лексемы «воплъ» обозначать не только печальные, но и радостные события, выражая при этом восторг, ликование, отмечена только при описании значений рассматриваемой лексемы в «Большом академическом словаре русского языка», издание которого начато в 2004 году и в настоящее время ещё продолжается (БАС-3):

«**ВОПЛЬ** ... 1. Громкий, пронзительный крик, выражающий страх, гнев, боль и т. п. или безудержную радость, ликование и т. п. *Нечеловеческий вопль. Ликующие вопли*» [4, с. 131].

Не меньшей оригинальностью и экспрессивностью отличается и синкретичный троп, характеризующий русскую речь, метафорически осмысливаемую как *диво дивье*. Для создания этого образа поэт обращается к слову, которое характерно для разных жанров русского фольклора (былин, сказок, песен и т. п.), часто встречается в произведениях классической литературы и в речи носителей русского языка XIX века и более ранних эпох, преимущественно крестьянской – ср. толкование в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова: «**ДИВО** ... (разг.). 1. То, что вызывает удивление; чудо.

Этакого дива я давно не видал. Какое ж диво тут? Грбдв. Чудо-чудное, диво-дивное. Сказка» [16, стб. 707]. Эту, уже изначально отличающуюся экспрессивностью и национально-культурной значимостью единицу языка, поэт образно характеризует при помощи образованного им от неё же индивидуально-авторского имени прилагательного (окказионализма) – *дивье* (диво + *ĵ* (суффикс)), в результате чего формируется оригинальный, с высокой степенью экспрессивности, образ.

Этот образ, отмеченный очевидной авторской индивидуальностью, – восприятие родной речи как *дива дивьего*, – как представляется, максимально точно передаёт отношение к ней лирического героя: отношение трепетное и благоговейное, и в то же время отмеченное печатью горечи. По мнению лирического героя, русская речь переживает в описываемый им период тяжёлый момент, но она готова к возрождению: *Ты станешь вновь, как воды, полногласной, / и чистой, как на солнце меч, / и величавой, как волнение нивы.*

Таким образом, в обоих лирических произведениях, посвящённых родной речи, в большей степени ощущается установка лирических героев этих поэтических произведений на возрождение тех качеств русского языка, которые характерны для России *патриархальной* – России, которая ко времени создания анализируемых лирических стихотворений в значительной мере была уже в прошлом. Русский язык, запечатлённый в этих произведениях, безусловно, «великолепен», он необыкновенно богат и выразителен, однако при этом он по большей части представлен как *статичный*. Языку же – любому, но высокоразвитому национальному языку, к которым принадлежит язык русский, прежде всего – жизненно необходимо развитие, реагирование на постоянные запросы, которые непрерывно возникают у носителей языка в различных сферах общественной жизни.

Всё изложенное, безусловно, не умаляет ценностно-эстетической значимости тех характеристик русского – родного для обоих авторов лирических стихотворений – языка, которые содержатся в их произведениях, многие из которых по определению афористичны – как, например: *Язык, великолепный наш язык. Речное и степное в нём раздолье; ... молюсь о нашем дивьем диве, о русской речи, плавной, как по ниве движенье ветра* – и многие другие.

Однако очевидным оказывается и то, что для ощущения как постоянной динамики своего родного языка, так и собственной полноценности в качестве его носителя, пребывание в той лингвокультурной среде, где этот язык функционирует во всём многообразии своих форм, нюансов и т. п., жизненно необходимо. Лишение же – причём и добровольное, и вынужденное – личности возможности постигать родную речь «изнутри», пребывая в ней непосредственно, в особенности – личности талантливой, чуткой к любым нюансам и движениям родной речи, в большинстве случаев становится губительным для носителя того или иного языка как родного.

Думается, что косвенно эту мысль подтвердил и сам Владимир Набоков в беседе с поэтессой Беллой Ахмадулиной, состоявшейся в марте 1977 года в фешенебельном отеле швейцарского городка Монтрё, где писатель жил в последние годы. Белла Ахмадулина так вспоминала об этом разговоре:

«...Он спросил: «Правда ли мой русский язык кажется вам хорошим?». «Он лучший», – ответила я. «Вот как, а я думал, что это замороженная клубника...»

*...Мною владело сложное чувство необыкновенной к нему любви, и я ощущала, что, хотя он мягок и добр, свидание с соотечественником причиняет ему какое-то страдание. Ведь **Россия, которую он любил и помнил, думала я, изменилась с той поры, когда он покинул её, изменились люди, изменился отчасти и сам язык...** он хватался за разговор, делал усилие что-то понять, проникнуться чем-то... быть может, ему причиняло боль ощущение предстоящей страшной разлуки со всем и со всеми на Земле, и ему хотелось насытиться воздухом родины, родной земли, человека, говорящего по-русски...»* (выделено мною. – И. З.) [5].

В заключение, как представляется, будет уместным привести слова из произведения В. Д. Иванова, где уже высказанная мысль также получает подтверждение, однако в форме, которую можно определить как «от обратного». Речь в данном случае идёт о том, что если язык по каким-либо причинам «изгоняется» из той среды, где он сформировался и существует, – среды, не только наиболее естественной для его функционирования, но и способствующей его постоянному развитию, – это всегда оказывается губительным и для того лингвокультурного пространства, неотъемлемой частью которого этот язык является, и для всех его носителей:

*«Любовь не ревнива, а требует верности. Так и **родное место: твоё, пока звучит родная речь. Наводнение чужой речи, даже её прикосновение гасит чувство: ты здесь родился, а ныне сам ты – прохожий.** Тут уж поступай, как знаешь, как смеешь, как сумеешь, извне тебе никто не поможет. Но пока с тобой Слово-Глагол, ты не пропал, ты ещё не безродный бродяга.*

До верха Днепра, до верха днепровских притоков, через верховые ключи, озёра, болота к верховьям других рек, текущих на север, на запад и на восток, – вот родина Руси, сотворённая Словом-Глаголом» (выделено мною. – И. З.) [10, с. 8–9].

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Бальмонт, К. Д. Русский язык / К. Д. Бальмонт // Константин Бальмонт – стихи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/31549/russkii-yazyk>
3. Бальмонт, К. Д. Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма / К. Д. Бальмонт. – М.: Республика, 1992. – 447 с.

4. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. – Т. 3. Во–Вящий. – М.–СПб.: Наука, 2005. – 664 с.
5. Владимир Набоков // Молитвы русских поэтов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/molitvy-russkih-pojetov-xx-xxi-antologija/88/>
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт.: 1–4. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 1. – 699 с.
7. Зайцева, И. П. «Твой мир – навек моя обитель»? (художественное воплощение «выкорчёвывания» родного языка в романе Милорада Павича «Ящик для письменных принадлежностей») / И. П. Зайцева // Богатство духовного мира восточных славян и его воплощение в словесно-художественном творчестве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 70-летию создания подпольной молодёжной организации «Молодая гвардия» (г. Луганск, 17–18 сент. 2012 г.). – Луганск, 2012. – С. 35–46.
8. Зайцева, И. П. Концептуально-эстетическое осмысление феномена родного языка в лирике Риммы Казаковой / И. П. Зайцева // Язык и актуальные проблемы образования: Материалы V международной научно-практической конференции: г. Москва, 21 января 2020 года / под. ред. Е. И. Артамоновой, О. С. Ушаковой. – М.: Диона, 2020. – С. 105–111.
9. Зайцева, И. П. Об осознании своеобразия родного языка в условиях «чужой» лингвокультуры (на материале произведения «Урок языка» А. Г. Битова) / И. П. Зайцева // Учёные записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – Т. 30. – С. 95–100.
10. Иванов, В. Д. Русь Великая / В. Д. Иванов. – М.: «Азбука–Аттикус», 1964. – 672 с.
11. Набоков, В. В. Молитва; К России / В. В. Набоков // Владимир Набоков. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 480 с.
12. Никитенко, Т. В. Некоторые аспекты функционирования англоязычных терминов, соответствующих русскому «родной язык» / Т. В. Никитенко // Грани языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И. П. Зайцева (отв. ред.) [и др.]; под общ. ред. И. П. Зайцевой. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 91–96.
13. Сковорцов, Л. И. Лингвистическая экология, или Лингвозэкология / Л. И. Сковорцов // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 294–296.
14. Сковородников, А. П. Лингвозэкология, или Эколингвистика // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Сковородникова. Члены редколлегии: Г. А. Копнина, Л. В. Куликова, О. В. Фельде, Б. Я. Шарифуллин, М. А. Южанникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Электрон. дан. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 284–285.
15. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. – Т. II. В. –М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 1393 стб.
16. Толковый словарь русского языка / Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. – Том I. А–Кюрины. – М.: ОГИЗ, 1935. – 1562 стб.
17. Толковый словарь русского языка / Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. – Том II. Л–Ояловеть. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. – 1040 стб.
18. Толковый словарь русского языка / Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. – Том III. П–Ряшка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. – 1424 стб.

19. Толковый словарь русского языка / Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, члена-корреспондента Академии Наук СССР. – Том IV. С–Ящурный. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. – 1500 стб.

Примечание

¹ Цитата из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля приведена с сохранением оригинальной орфографии.

I. P. Zaitseva
Matusovsky Academy
irinazaj91@mail.ru

«I WAITED IN VAIN TO BE CONCORDED WITH THE TREMBLING SOUL – YOUR ECHO! »: FIGURATIVE-VALUES PERCEPTION OF THE NATIVE LANGUAGE FROM ANOTHER REALITY

Key words: native language, verbal-artistic creativity, lyrical text, linguoecological aspect, figurative-value comprehension, individual-author's manner, speech environment.

The article is devoted to one of the aspects of the figurative-value comprehension of the phenomenon of the native language, which can be observed in communicative-speech formations (texts), where the aesthetic function is a priority – the poetic works of K. D. Balmont «Russian language» and V. V. Nabokov «Prayer». According to the author, the analysis of these works allows us to come to the conclusion that in order to fully «immerse» in his native speech, the artist of words must be in an environment where his native language not only exists in all its diversity and completeness, but is also in a state of continuous development.

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-просветительского центра по изучению русской культуры Донбасса Академии Матусовского (г. Луганск, РФ)